

Марта

Она получает сообщение из головного офиса: вскоре к ним присоединится новая душа, и эту душу отправляют под начало к Марте.

Она снимает очки для чтения и берет в руки планшет. Душа должна прибыть... с острова Нантакет.

Марту это одновременно и удивляет, и радует. Удивляет, потому что она сама встретила свой трагический конец на Нантакете два года назад и уже думала, начальство намеренно не поручает ей территории на побережье, чтобы, как говорит Джен Зэт, «не вызывать ненужных эмоций».

А радует, потому... ну, потому что кто не любит Нантакет?

Она устремляется вниз с северо-запада так, чтобы в первую очередь увидеть маяк, который стоит дозором на самой оконечности тонкой позолоченной ветви Грейт-Пойнта. Марта видит, как совсем рядом у берега резвятся тюлени (а чуть в отдалении их поджидают акулы). Она направляется к гавани Полпис, где у группы двенадцатилеток урок яхтинга на «Оптимистах». Одна из лодок опасно накренилась и вот-вот перевернется вверх килем. Марта выдувает небольшое облачко, и яхта выравнивается.

Марта ныряет над болотами, испещренными озерцами воды и расчерченными песчаными тропами. Замечает оленя, который прячется в чаще леса. В песке у пруда Джуэл застрял джип; возле машины стоит молодой человек и изрыгает поток ругательств («Ну и ну», — думает

Марта), а его девушка пытается поймать сигнал на телефоне. Она очень извиняется, просто не хотела упустить утреннее освещение для фотографий в «Инстаграме».

Марта выбирает живописную дорогу, идущую вдоль нетронутой полосы южного побережья. Несмотря на ранний час, народу здесь уйма. Дама бальзаковского возраста кидает шоколадному лабрадору бальзаковского возраста теннисный мячик в набегающие волны. Седовласый джентльмен бросается в воду, начиная сеанс утреннего купания. У Смитс-Пойнта видна группа рыбаков, в «Сиско» сидит команда молодых (и очень привлекательных) серферов, а на гольф-поле «МиакOMET» делает первый взмах — чпок! — четверка игроков.

Проплывая над пляжем Нобадир, Марта видит, что на парковке собралась команда городских спасателей. Уже почти семь пятнадцать утра — время, когда у них начинается тренировка, и Марте надо поторопиться.

У нее остается еще минута, чтобы полюбоваться островом в свете этого ясного, безоблачного утра субботы, девятнадцатого июня, — солнце отражается в золотом куполе унитарийской церкви; повар из «Блэк Айд Сюзанс» на всех парах несется по Индиа-стрит, опаздывая на смену. Почти по всему острову включается система полива, начиная разбрызгивать воду по газонам и цветочным клумбам, но только не в Сконсете: здесь предпочитают все делать по старинке, надев сабо и подхватив лейки. Люди наливают себе по первой чашке кофе, просматривают передовицы «Нантакет Стэндарт». Тридцать пять женщин, которые сегодня выходят замуж, открывают глаза и испытывают различные чувства — от радостного предвкушения до тревоги. Ремонтники паркуются у магазина хозяйваров «Марин» — у каждого список работ, которые нужно было доделать еще *вчера*; люди приезжают на лето

и хотят, чтобы в домах все было отлажено. Из гавани выходят взятые напрокат рыбацкие лодки; в «Дауни-флэйк» из печи достают первую партию пончиков с сахарной пудрой — и, боже, какой стоит запах!

Марта вздыхает. Нантакет, конечно, не рай, но рай на Земле. Однако она здесь не затем, чтобы осматривать достопримечательности, ей нужно забрать с собой душу. На карте у Марты отмечена точка на Кингсли-роуд, почти на пересечении с Мадакет, но не совсем.

Марта прибывает на место с запасом в тридцать секунд и может вдохнуть пьянящий аромат цветущей внизу сирени. Вдоль дороги бежит девушка с темными волосами и роскошными ногами, подпевая музыке у себя в наушниках, но остальная часть Кингсли погружена в дрему.

Пятнадцать секунд, десять секунд, пять. Марта еще раз проверяет координаты; кажется, она в правильном месте...

Стоит Марте отвести взгляд от дороги, как происходит трагедия. Стремительно, в буквальном смысле в мгновение ока. Марта морщится. Какая жалость!

«Так, — думает она. — За работу».

ВИВИ

Стоит прекрасный июньский день, из тех, что любит описывать Виви. Все тринадцать романов Вивиан Хоу — пляжное чтиво, действие каждого происходит на Нантакете и начинается в июне. Виви никогда не приходило в голову изменить этой привычке, потому что абсолютно все на Нантакете начинается в июне. Этакое новорожденное лето; все еще невинное, нетронутое, чистый лист.

В семь с чем-то Виви уже готова к пробежке. Маршрут не менялся с тех пор, как она переехала в «Мани Пит» десять лет назад после своего развода: по грунтовке, Кингсли, потом свернуть на велосипедную дорожку вдоль Мадакет-роуд. Дорожка идет до самого пляжа, но Виви уже несколько лет так далеко не забегала. Бёдра. Да у нее и времени нет.

Виви нервничает, несмотря на солнце, лазурное небо и великолепные пионы из собственного сада. Вчера вечером позвонила ее дочь Уилла, сказала, что снова беременна. С прошлого июня, когда они с Рипом поженились, это уже четвертая ее беременность.

— О, Уилли! — сказала Виви. — Вот это да, вот это новости, просто отлично! Какой срок?

— Шесть недель, — ответила Уилла.

«Слишком, слишком рано», — думает Виви. Может, просто месячные задерживаются.

— Ты делала тест?

— Да, мам.

— Больше одного?

— Два, — сказала Уилла. — У первого был неопределенный результат. На втором — две полоски.

Виви не стала говорить главного: «Подожди пока радоваться». У Уиллы уже было три выкидыша. Первая беременность прервалась на пятнадцатой неделе. У дочери пошла кровь во время экскурсии по дому Уильяма Хэдвена*, которую она проводила для группы высокопоставленных гостей из администрации губернатора. Она прервала мероприятие и сама доехала до больницы. Ужасный был день, самый болезненный физически и тяжелый морально из трех выкидышей.

---

* Дом Уильяма Хэдвена — музей на острове Нантакет, особняк, построенный в первой половине XIX века, принадлежавший китобойному промышленнику Уильяму Хэдвену. *Здесь и далее примечания переводчика.*

После третьего Уилла поняла, что у нее какая-то проблема.

Но детальное обследование в репродуктивной клинике «Бригэм энд Уименс» в Бостоне не выявило никакой патологии. Уилла была здоровой двадцатичетырехлетней женщиной. С тем, чтобы зачать, не имелось никаких проблем — Рипу было достаточно бросить на нее взгляд.

В глубине души мать подозревала, что выкидыши дочери как-то связаны с «синдромом отличницы», который в случае Уиллы Виви и ее бывший муж, Джей Пи, называли «синдромом отличницы с плюсом», потому что Уилла никогда не удовлетворялась обычными пятерками.

— Если и сейчас ничего не получится, может, вам с Рипом стоит сделать передышку? Ты такая молодая, у тебя годы, даже десятилетия впереди, еще успеешь зачать. Зачем торопиться?

Как и следовало ожидать, Уилла начала защищаться.

— И почему у меня не должно получиться? Думаешь, я неудачница?

— Что бы ты ни делала, у тебя все получается, — заверила Виви. — Мне просто кажется, твоему телу пойдет на пользу перерыв...

— Я беременна, мама, — отрезала Уилла. — И собираюсь родить прекрасного здорового ребенка.

Казалось, что она сама себя уговаривает.

— Ну конечно, ты родишь прекрасного здорового ребенка, Уилли. Так хочется поддержать малышку.

Хотя Виви не казалось, что ей уже пора становиться бабушкой. Только пятьдесят один год исполнился, она в прекрасной форме, что тут лукавить. В коротко остриженных темных волосах ни намек на седину (Виви проверяла каждое утро). Ее, наверное, будут принимать за маму ребенка (ну, будем надеяться).

Разговор на этом закончился, но Виви всю ночь преследовало тревожное чувство. Может, дети действительно расплачиваются за ошибки своих родителей или тут говорит ее склонность к художественному преувеличению?

Виви проснулась в половине шестого утра не только потому, что стоял июнь и солнце светило в окна, как в полдень, — ее разбудил шум. Она прокралась в коридор и увидела свою дочь Карсон — та, спотыкаясь, поднималась по лестнице, и от нее отчетливо пахло травкой.

В последний раз Виви видела Карсон вчера днем — дочь собиралась на работу, на ней были обрезанные джинсовые шорты и ярко-желтая футболка ресторана «Ойстеркэтчер», а темные, еще немного влажные волосы она заплела в две аккуратные французские косички. Карсон считалась самой красивой из трех детей Виви, хотя той, конечно, не полагалось так думать. Карсон единственная удалась в Джея Пи: темные волосы, прозрачные ярко-зеленые глаза, тонкий острый нос и белые ровные зубы. Куинборо до кончиков ногтей, а вот Уилла и Лео пошли в Хоу. Они унаследовали от Виви неправильный прикус и скученные нижние зубы и годами носили брекететы.

На Карсон так и остались вчерашние шорты, но футболку она поменяла на что-то вроде платка из кольчужной ткани, который прикрывал только грудь, а сзади держался на тоненькой цепочке. Дочь заявила домой босиком; косички она расплела, но волосы все еще были в мелких завитушках. Заметив Виви на лестничной площадке, Карсон вскинула брови.

— О, мать. Че, как?

— Ты что, только пришла? — спросила Виви, хотя ответ был очевиден.

Карсон вернулась домой в половине шестого, хотя заканчивала работать в одиннадцать. Ладно, ей уже

исполнился двадцать один год, она, наверное, выпила на работе, потом пошла в «Чикен Бокс», чтобы успеть на последний сет вчерашней группы, а потом либо отправилась на пляж с друзьями, либо переспала с каким-то случайным парнем.

— Да, мэм. — Кажется, Карсон была трезвая, но это только еще больше разозлило Виви.

— Ты не можешь провести так все лето, — заявила мать.

— Надеюсь, и не проведу, — ответила Карсон. — Работы мало, чаевые — отстой, парни в «Боксе» как будто все из школьной команды по фехтованию.

— Нельзя всю ночь где-то шляться, а потом заявляться домой, воняя травкой...

— *Воняя травкой*, — передразнила Карсон.

Виви попыталась отыскать в себе остатки терпения, но это было как искать потерянную туфлю в шкафу материнства. *В этом вся Карсон.* Десять лет назад, узнав, что ее муж Джей Пи влюбился в свою сотрудницу Эми, Виви съехала от него. Каждый из троих детей тяжело переживал разрыв родителей, но Карсон — особенно. Ей почти исполнилось одиннадцать, и она была удивительно привязана к Виви. Продажи романа того года «Вдоль южного берега» внезапно взлетели, и Виви, пытаясь избежать неминуемых последствий развода: когда все хотят знать, что же случилось, спрашивают, всё ли в порядке, говорят, что ты молодец, — отправилась в тур по двадцати девяти городам. Ее не было дома семь недель, она пропустила первый день учебного года и день рождения Карсон. Когда же вернулась, то обнаружила, что дочь из смешной взрывной девчонки превратилась в «проблемного подростка»: закатывала истерики, ругалась, нарывалась на ссоры с братом и сестрой и вообще делала все возможное, чтобы привлечь к себе внимание. Виви винила в этой трансформации роман Джея Пи

(о котором их психотерапевт настоятельно не рекомендовала рассказывать детям), а Джей Пи — «побег» Вивиан, как он это называл.

Прошло десять лет. Карсон уже повзрослела, но с ней по-прежнему иногда бывало трудно.

— Это мой дом, — напомнила Виви. — Я плачу ипотеку, налоги, а также за страховку, электричество, отопление, кабельное. Покупаю продукты и готовлю еду. Пока живешь под моей крышей, я запрещаю тебе пить всю ночь, курить, заниматься сексом с совершенно незнакомыми людьми. Ты хоть понимаешь, как это выглядит?

Виви вовремя остановила себя, чтобы не напомнить Карсон, как та уже лечила хламидиоз прошлым летом.

— Ты подаешь дурной пример своему брату.

— Ему не нужен пример, у него уже есть Уилла, — возразила Карсон. — А я — неудачница. В мои обязанности входит всех разочаровывать.

— Дорогая, никто не говорит, что ты кого-то разочаровываешь.

— Мне двадцать один, — напомнила Карсон. — По закону я имею право пить. И курить траву — тоже.

— Ну, раз ты такая взрослая, можешь жить отдельно.

— Так и собираюсь, — подхватила Карсон. — Коплю деньги.

«Ничего ты не копишь», — хотела сказать Виви. Карсон получала хорошие чаевые в «Ойстеркэтчере», но сразу их тратила — на выпивку, траву, одежду: «Эрика Уилсон», «Милли энд Грейс», «Лавли». Карсон наконец-то бросила Университет Вермонта, промучившись пять семестров, — средний балл у нее был 1,6 из 6, — и, хотя поначалу Виви пришла в ужас (ведь образование в первую очередь делает тебя интересным человеком!), пришлось смириться с мыслью, что оканчивать университет необязательно всем.

— Я не стану устанавливать тебе комендантский час, — сказала Виви, — но не потерплю подобного поведения.

— *Не потерплю подобного поведения*, — передразнила Карсон. Так мог бы ответить семилетний ребенок, но дочь добилась реакции, которой ждала. Виви сделала шаг вперед, сжав руку в кулак.

— Отшлепаешь меня? — спросила Карсон.

— Нет, конечно, — ответила Виви, хотя ей очень этого хотелось. — Но тебе придется взяться за ум, детка, — иначе я попрошу тебя съехать.

— Ладно, поеду к папе.

— Уверена, что Эми ждет не дождется, когда ты вернешься домой.

— Она не такая уж и плохая. Когда ты пытаешься делать из нее монстра, только показываешь, насколько не уверена в себе.

Виви не успела придумать ответ, как почувствовала какой-то запах.

— Ты что... что-то готовишь?

Карсон прошла в свою спальню и с грохотом захлопнула за собой дверь.

Виви полетела по ступенькам вниз. Кухня была полна черного дыма. На включенной конфорке в ее новенькой сковороде на три литра от «Олл Клэд» разогревалась паста с сосисками и базиликом, которая осталась со вчерашнего ужина. Паста превратилась в черную гарь. Виви выключила плиту, схватила полотенце, вынесла дымящуюся сковородку во двор и поставила на выложенную плиткой дорожку. Посуда была такой горячей, что, наверное, оставила бы пятно на веранде или газоне.

Новая сковорода — на помойку.

Паста с сосисками и базиликом под ароматным горчично-сливочным соусом, которую Виви собиралась отнести Уилле, чтобы помириться, — на помойку.

А вдруг Виви не проснулась бы? Вдруг на кухне начался бы пожар и «Мани Пит» охватили языки пламени, пока она и Лео спали? Они все погибли бы!

Вернувшись на кухню, Виви увидела на столешнице бутылку своей текилы «Каса Драгонес» и рюмку. Она почувствовала, как внутри закипает чудовищная ярость. Это была *ее* текила, она даже своему (почти экс-) бойфренду Деннису не разрешала делать из нее «Маргариту». Карсон пришла домой, поставила на плиту пасту, выпила пару — или тройку? — рюмок ее, Виви, текилы, хотя прекрасно знала, что та *не предназначается для широкой публики*, а потом бросила еду гореть в сковородке.

Виви взлетела вверх по лестнице и забарабанила в запертую дверь спальни дочери.

— Ты оставила сковородку на включенной плите!

Лео наверняка уже проснулся, и матери было его жаль, ведь сегодня суббота, но что поделать.

— Да что с тобой такое, Карсон? — говорила Виви. — Ты что, правда не думаешь ни о ком, кроме себя? Ты что, не думаешь совсем?

Ответа не последовало. Виви пнула дверь.

— Пожалуйста, уйди, — раздалось из комнаты. — Я пытаюсь поспать.

— Ты пила мою текилу! — обвинила Виви. — А ведь знаешь, что ее нельзя трогать.

— Не пила я твою текилу, — ответила Карсон. — В последний раз я пила в «Чикен Бокс», несколько часов назад.

Виви заморгала. Непохоже, чтобы Карсон врала, дочь казалась трезвой.

— А кто тогда?

Воцарилось молчание, а потом Карсон спросила:

— Ну а кто еще живет в этом доме?

«Лео?» — подумала Виви. Она посмотрела на закрытую дверь его спальни. Лео ходил на вечеринки

с первого года старшей школы, но после неудачного опыта с «Егермейстером» держался подальше от крепких напитков. Он пил пиво и иногда слабоалкогольную газировку.

Виви снова повернулась к двери Карсон:

— Сама будешь оттирать эту сковородку, юная леди. Или купишь мне новую.

Она налила себе кофе, открыла все окна, включила оба вентилятора на потолке на полную мощность, вымыла рюмку, спрятала остатки «Каса Драгонес» в прачечной (дети там ее никогда не найдут) и наконец немного успокоилась. Виви была матерью троих *очень молодых людей*, а очень молодые люди требуют такого же терпения, как и очень маленькие дети. Никто об этом не говорит, как будто это такой страшный секретик. Виви всегда представляла себе, что, когда ее детям исполнится двадцать четыре, двадцать один и восемнадцать, они станут все вместе пить вино у бассейна; дети будут готовить, убирать и давать ей глубокомысленные советы насчет того, куда вложить деньги. Ха-ха.

Виви зашнуровывает кроссовки и растягивается, ставя поочередно ноги на бампер своего джипа. Потом включает на телефоне «Айтюнс» и выбегает на дорогу.

Беговые плейлисты для Виви составила Карсон. Дочь назвала их «Девятифунтовый молот», «Клубничный пар» и «Белый огонь» (Виви не сразу догадалась, что все это — названия сортов травы, возможно, тех самых, которые Карсон курила, пока подбирала соответствующие треки).

Сегодня Виви включает «Девятифунтовый молот». В случайном порядке.

Первая песня называется All That and More, исполнитель — Rainbow Kitten Surprise. Карсон в роли диджея хороша тем, что Виви знакомится с музыкой, которую

иначе никогда в жизни не услышала бы. За последние месяцы эта песня стала у нее любимой — она фолковая и одновременно бодрая. *All I ever wanted was to make you happy...**

Как только Виви прибавляет звук, телефон свистом сообщает о том, что пришло новое сообщение от ее (почти экс-) бойфренда Денниса, который уплыл в открытое море на рыбалку. Сообщение — это снимок. Деннис — в спортивных солнцезащитных очках, улыбается, показывая щель между передними зубами, и держит в руках полосатого окуня. Подпись к фотографии гласит: «Ужин!»

Виви не отвечает. Неделю назад или чуть раньше она сказала Деннису, что ей нужна дистанция, и попросила больше не оставаться у нее дома на ночь. Как Виви и предполагала, после этого Деннис еще больше сократил дистанцию между ними. Он пишет, звонит, «просто спрашивает», как дела, и рассчитывает, что Виви захочет жарить на гриле полосатого окуня, которого он поймал. Бедный Деннис. Они познакомились три года назад, когда он приехал в «Мани Пит» определить, сколько будет стоить центральная система кондиционирования (Деннис — владелец небольшой компании по продаже оборудования для ОВК**). Кондиционер оказался Виви не по карману, но между ними пробежала искра, и они начали встречаться. Деннис ничего не делает наполовину, живет настоящим моментом: летом, как только появляется возможность, отправляется на рыбалку, осенью — на охоту и каждый год первым получает лицензию на вылов гребешков. Он любит ездить на своем пикапе по пляжу и заглядывать на болота; показал Виви секретные пруды и скрытые пещеры

---

* Я хотел только одного — сделать тебя счастливой...

** «Отопление, вентиляция и кондиционирование»

острова, которые она никогда до этого не видела, хотя живет на Нантакете в три раза дольше него. Джей Пи однажды назвал Денниса «простаком», но Виви кажется, что он просто свободный человек. Ее бодрило, что бойфренду для счастья достаточно чашки крепкого кофе, дня, проведенного за честным трудом, заплыва в океане, стакана крафтового пива и заката. Он умел рассмешить Виви, был ее бесстрашным победителем, великолепным любовником — и долгое время ей этого всего хватало.

Она даже не знала, что случилось; правда, как будто Бог щелкнул пальцами — и Виви начала видеть в Деннисе только недостатки, а все, что он говорил и делал, стало ее раздражать. Магия ушла и, Виви подозревает, уже вряд ли вернется. Она готова снова стать свободной женщиной.

Сирень, растущая вдоль Кингсли-роуд, благоухает; она начнет цвести уже завтра, и Виви напоминает себе, что надо бы вернуться сюда, срезать несколько веток и поставить на прикроватную тумбочку. Следующий месяц, июль, будет посвящен гортензии. На Нантакете вообще делают фотографии какого-то другого цветка в июле? «Инстаграм» с уверенностью скажет, что нет, не делают. Виви вдыхает аромат сирени, и это поднимает ей настроение. Когда придет домой с пробежки, сделает Карсон тост из восхитительного хлеба на закваске из «Борн энд Брэд» с авокадо, спелым тепличным помидором, идеальным яйцом-пашот и крупной морской солью. Еда для Виви — это «язык любви». Дочь будет знать, что прощена.

Этим летом Карсон работает главным барменом в «Ойстеркэтчер» — большом, старом, живописно потрепанном сарае, который расположился прямо на пляже Джеттис. На песке стоят шезлонги, в которых гости пьют коктейли, дожидаясь своей очереди, чтобы сесть

за один из выкрашенных яркой краской столов для пикника под открытым небом. Несколькими ступеньками выше находятся стойка хостес и маленькая сцена, на которой умещаются ровно один гитарист, один усилитель и один микрофон. Еще несколькими ступеньками выше — бар, прилавок с устрицами, кухня и магазин, где продаются надувные лодки, игрушки для пляжа, футболки, солнцезащитный крем и сладости.

Виви в первый раз пришла в «Ойстеркэтчер», чтобы проведать Карсон, в середине мая, когда он только-только открылся с началом сезона. В ресторане было много знакомых, Виви и Деннис то и дело останавливались поболтать с кем-нибудь, прежде чем сесть за барную стойку. К ним подошла непривычно смущенная Карсон.

— Могу я предложить вам что-то из напитков?

Она уже такая обходительная и выглядит как профессионал! Карсон вдохновенно пересказала список блюд от шефа, как будто читала стихи. «У нас сегодня пицца с морепродуктами, в главных ролях...» Да, да, конечно, они хотят пиццу с лобстером и моллюсками, а начнут с дюжины устриц, овощного салата и паштета из копченого луфаря.

Карсон приняла заказ, не записывая. Она была очаровательна: шорты, футболка, короткий черный фартук на талии, из которого торчали штопор и открытая вашка.

Дочь отправилась протирать стаканы, оставив Виви с бокалом совињон-блан, а Денниса — со стаканом «ИПА». Гитарист играл песню «Оазиса» Wonderwall. Солнце садилось, становилось прохладно. Виви подумала, не попросить ли Карсон сходить к машине за ее кардиганом, но знала, что дочь откажется и, наверное, велит, чтобы мать перестала ее позорить и относиться как к ребенку.

В этот момент к барной стойке подсади Зак и Памела Бриджман. Виви помахала им, Деннис отсалютовал стаканом с пивом, но разговора никто не завязал. Памела была сестрой Рипа Бонэма (намного старше его), мужа Уиллы, поэтому они вроде как считались родственниками. Памела работала с Рипом в семейной страховой фирме, а ее муж Зак трудился диспетчером в аэропорту «Нантакет Мемориал». У Зака и Памелы имелся сын, Питер, он учился в одном классе с Лео, но ребята не дружили. В начале последнего школьного года они подрались на футбольном матче, где играли «Уэйлеры». Питер сказал какую-то глупость и толкнул Лео, тот пихнул обидчика в ответ, Питер замахнулся, и разразилась драка. Виви во всем винила сына Памелы: он всегда казался странным агрессивным ребенком, а вот Лео — такой милый, мирный мальчик, со всеми умеет подружиться. Что такого мог сказать Питер, что началась драка?

— Чушь какую-то, — ответил Лео матери. — Он на всех наезжает.

После этого инцидента остался дурной привкус; а значит, разговор с Бриджманами получился бы вымученным. Раньше Лео обсуждал с Заком книги — они одновременно увлеклись Грегом Айлсом, потом Аттикой Лок, — но в какой-то момент Памела отпустила колкое замечание, и Виви поняла, что родственнице разговоры о книгах кажутся скучными. А кроме книг и своих детей, им особо нечего было обсуждать.

Виви заметила, насколько появление Бриджманов смутило Карсон. Та споткнулась о резиновый коврик, попыталась удержать равновесие и чуть не обрушила полку со стеклянными стаканами.

— Вот бл... ин, — сказала она, а потом прижала руку ко рту. — Привет. Что вам принести? Выпить?

— Привет, — Памела натянуто улыбнулась Карсон. — Можно посмотреть меню?

— Мне «Мэйкерс Марк» со льдом, пожалуйста, — сказал Зак.

— Один виски со льдом, — повторила Карсон. — А тебе, Памела?

— Меню, — напомнила та.

— Да, конечно! — Карсон достала из стопки два меню. Еще несколько упало на пол, но дочь их проигнорировала.

— Не знала, что ты продолжаешь здесь работать, — заметила Памела. — Думала, может, нашла что-то по лучше.

Виви чуть не поперхнулась вином. Кому вообще придет в голову такое говорить? Ну вот, видимо, Памеле Бонэм Бриджман приходит.

Карсон отклонилась на несколько миллиметров назад.

— Я была помощницей бармена. А теперь я... главный бармен!

— Поздравляю, — сказал Зак.

— Я буду диетическую колу, — решила Памела.

— Отлично, сейчас принесу, — ответила Карсон. — Ужинать будете?

Памела рассмеялась.

— Ну не за одной же колою я сюда приехала.

Виви уже хотела вмешаться и сказать: «Нельзя ли повежливее? Мы же все-таки родственники».

— Нет, конечно, — согласилась Карсон. — Принесу напитки и приму у вас заказ.

Дочь отмеряла виски дрожащими руками; немного пролилось на стойку, но Карсон вытерла стакан полотенцем и передала его Заку со словами: «Ой, тебе же тоже нужно меню».

Памела надела очки для чтения. Самой выдающейся чертой дамочки были ее волосы: необычные, темно-рыжие, с хрестоматийной белой прядью у лба. Памела

никогда не пользовалась косметикой, и кожа у нее все еще выглядела отлично. (У Виви имелась неприятная привычка — оценивать, насколько лучше или хуже ее самой стареют женщины. Она думала, что к пятидесяти годам ей уже будет все равно, но ошибалась. Когда уже станет все равно? В шестьдесят пять? В семьдесят пять? В *восемьдесят пять*?)

Памела прижалась к мужу плечом.

— Нам хватит одного.

Деннис, возможно, заметив нежности Бриджманов, толкнул Виви плечом и прошептал:

— А Карсон неплохо справляется. Тебе не холодно? Может, оденешь кардиган?

«Наденешь. *Наденешь кардиган*», — подумала Виви. Но она давно уже перестала исправлять грамматические ошибки Денниса, иначе только этим бы и занималась.

— Да! — ответила она чересчур жизнерадостно. — Отлично справляется.

Затем отодвинулась немного от Денниса и призналась себе, что эти отношения уже находятся на последнем издыхании. Виви сделала знак Карсон.

— Прошу прощения, мисс замечательный бармен, могу я попросить еще бокал вина?

Во второй раз Виви пришла к дочери в «Ойстеркэтчер» три дня назад, отметить две замечательные новости. Она получила первый в жизни хвалебный отзыв в «Маккуэйд» на книгу «Золотая девочка», которая вот-вот должна была выйти. И, словно этого было недостаточно, Тане Прайс из «Доброго утра, Америка» так понравилась книга, что она позвала Виви на интервью на *федеральном канале*.

«Надо выпить!» — решила она. То, что роман пользовался таким успехом, приводило ее в восторг, но одновременно и тревожило. С книгой была связана история... непростая история.

Виви услышала, как менеджер «Ойстеркэтчера» Никки сказал, что ждать столика придется часа два. К бару было не протолкнуться, Виви не стоило и мечтать о том, чтобы сесть. Она стояла позади толпы и наблюдала за дочерью. Надо же, как все изменилось за пару недель. Карсон играла ведущую роль в этом вечернем представлении: принимала заказы на напитки, трясла шейкером, точно маракасом, расставляла блюда с устрицами и мидиями на льду, кричала на работников кухни, чтобы принесли еще хрена, давала пять клиентам, бурно радовалась каждый раз, когда кто-то бросал чаевые в ведро на стойке. Живой музыки пока не было, играл плейлист из хитов восьмидесятых: Tainted Love, потом Don't You Want Me. Люди кричали: «Карсон, подойди!», «Карсон!»

Виви в конце концов удалось протиснуться к бару, и ее так тесно зажали между двумя компаниями, что она при желании могла бы прочитать мысли каждого. Потом гуляки слева ушли, и — вуаля! — освободился стул. Теперь у Виви была своя территория, коктейль уже не казался несбыточной мечтой, и она немного расслабилась.

Рецензия в «Маккуэйд» получилась просто блестящей. У Виви имелись толпы преданных читателей, но ей никогда еще не удавалось привлечь внимание серьезных критиков. Отзывы «Маккуэйд» на предыдущие книги были совершенно невпечатляющими. Рецензенты назвали ее первый роман «Дочери дюн» «тремя сотнями страниц словесного винегрета», и для Виви, не привыкшей к критике (за исключением комментариев беспощадных участников писательской конференции «Брэд Лоуф»), тот отзыв стал жестоким ударом. Она думала, самое сложное — найти для книги издателя, но оказалось, что это только начало. Выпустить книгу в мир было равносильно тому, чтобы предложить

публике свое сердце на блюде и смотреть, как они тычут в него пальцами, пристально разглядывают или, хуже того, равнодушно проходят мимо.

Так вот, роман Вивиан Хоу — больше не словесный винегрет!

Ее первый пятизвездочный отзыв в «Маккуэйд» — с тринадцатой попытки!

Еще и «Доброе утро, Америка!». До сих пор Виви никто не приглашал на федеральное телевидение. Жаль, мама не дожила. Она обожала «Доброе утро, Америка!» и собрала бы половину населения Пармы, штат Огайо, к себе домой посмотреть выпуск с дочерью.

Все указывало на то, что это будет *не просто книга*. Очевидно, для того чтобы завоевать такую популярность, Виви требовалось всего лишь... написать о том, что она поклялась держать в секрете.

Виви отмела эту мысль, как только Карсон заметила ее и расплылась в искренней улыбке.

«Ха! — подумала Виви. — Не ожидала меня увидеть?»

— Мама! — воскликнула Карсон. — Что будешь пить?

***

Виви бежит по Кингсли-роуд и уговаривает себя, что у ее детей все хорошо. Все *отлично*. У Уиллы хорошая работа — в Историческом обществе Нантакета, а ее муж Рип только что унаследовал коттедж в Смитс-Пойнте. У Уиллы и Рипа теперь не жизнь, а мечта: у них есть и дом в городе, и коттедж на пляже. Но важнее всего то, что дочь снова беременна. Неужели Виви не может позволить себе порадоваться новости? Конечно, может. У Уиллы все будет хорошо! С ребенком все будет хорошо!